

**О НИКОЛАЕВЫХ А. Г., А. Ф., Л. А. Н. А. и Е. А.
— ПЕШКОВОЙ Е. П.**

НИКОЛАЕВ Александр Георгиевич, родился в 1873. Получил начальное образование. Проживал в Москве, с 1882 — в ученье в переплетной мастерской, затем работал по найму, имел свою переплетную мастерскую, с 1916 — продал ее и работал по найму, с 1929 — на переплетной фабрике. Женат, в семье — трое детей. 8 марта 1936 — арестован, приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в северный лагерь¹.

НИКОЛАЕВА Анна Федоровна, родилась в 1880-х. Получила начальное образование. Вышла замуж, в семье — трое детей. Проживала в Москве, занималась домашним хозяйством и воспитанием детей. 19 мая 1936 — выслана с детьми на 3 года в Южно-Енисейск Красноярского края².

НИКОЛАЕВ Евгений Александрович, родился в 1909 в Москве. Получил среднее образование. Проживал в Москве, работал на предприятии. 19 мая 1936 — выслан на 3 года в Южно-Енисейск Красноярского края, работал чернорабочим. 24 марта 1938 — арестован как «участник контрреволюционной организации» и заключен в Енисейскую тюрьму. 15 апреля приговорен к высшей мере наказания и 14 мая расстрелян³.

НИКОЛАЕВА Лидия Александровна, родилась в 1910-х. Окончила среднюю школу и конструкторские курсы. Проживала в Москве, с 1930 — работала техником-конструктором в Востбюро. 19 мая 1936 — выслана на 3 года в Южно-Енисейск Красноярского края, работала чертежницей⁴.

НИКОЛАЕВА Надежда Александровна, родилась в 1910-х. Получила среднее образование. Проживала в Москве, работала счетоводом в учреждении. 19 мая 1936 — выслана на 3 года в Южно-Енисейск Красноярского края, работала счетоводом⁵.

В июне 1938 — Лидия Александровна Николаева обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<13 июня 1938>

«Екатерина Павловна!

Решаюсь обратиться к Вам, надеюсь, что Вы поймете меня и не оставите без ответа это мое письмо. Я дошла до границ отчаяния, до тех границ, когда люди сходят с ума или кончают самоубийством. Простите, что отрываю у Вас несколько минут времени и прочтите до конца мое письмо. Я — москвичка, родилась, выросла, училась и работала в Москве. Отец мой с 9 лет был отдан матерью в ученье в переплетную мастерскую, потом работал по найму, в течение нескольких лет имел свою маленькую мастерскую с 2 наемными рабочими. В 1916 г<оду> он эту мастерскую продал и с тех пор опять работал по найму. Последнее время, с 1929 по 1936 г<од> работал на переплетной фабрике, передовик, был много раз премирован, как производственный и общественник, имел почетную грамоту ударника-отличника.

Отец в старости стал очень религиозным человеком, ходил в церковь. В последнее время стал делать дома для церкви

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1496. С. 110-101.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1556. С. 131-132.

³ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1556. С. 131-132.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1556. С. 131-132.

поминания, — книжки для записи живых и умерших. За это был арестован 8 марта 1936 г<ода> и впоследствии выслан в концлагерь в Северный Край на 5 лет. Наказание слишком жестокое для большого 65-летнего старика. Но дело не в этом. Его семья, жена и дети, за то, что они знали, чем занимается их отец, были высланы на 3 года в Красноярский Край (постановление Особого Совещания НКВД от 19 мая 1936 года).

Мы, дети, выросли и учились при Советской власти, потом работали, считались очень хорошими работниками, неоднократно премированными. Лично я по окончании курсов в 1930 году работала в "Востбюро" Н<ар>К<омата> Т<яжелой> П<ромышленности> в течении 6 лет, в качестве техника-конструктора, была премирована ежегодно по несколько раз и по производственной, и по общественной линии, считалась лучшей отличницей в бюро. Мы считали себя вполне советскими людьми, и были ими. Может быть, мы и виноваты в том, что не обращали внимания на то, что отец делал в выходные дни эти поминания, но мы жили настолько своей, отдельной жизнью, считали себя от отца ни в какой степени независимыми, так как все работали, и просто как-то не находили удобным вмешаться в личную жизнь отца, тем более, что он нам никогда своих религиозных убеждений не навязывал. Но пусть всё же мы виноваты, эту вину я признаю, и за эту вину мы наказаны адм<инистративной> ссылкой на 3 года. Но это, самое легкое в нашей стране наказание, приняло недопустимо тяжелые формы. Не приходится говорить о том, с каким трудом удалось устроиться на работу, сестре — счетоводом, и мне — чертежницей-копировщицей. Всё же мы, с перерывами, работали до октября 1937 г<ода>. В октябре и я и сестра были сняты с работы. Брату не давали работы совсем. Он работал чернорабочим в течение 3-4 месяцев, с перерывами. Работой нашей администрация была довольна, но всё же с работы сняли какими-то распоряжениями, исходящими извне. Сестре давали работу домой, но парторг Целикина запретила "давать какую-либо работу Николаевым". Почему-то здесь установилось мнение, что мы, Николаевы, являемся родственниками Николаева, убийцы т<оварища> Кирова, за что и высланы. Доказать же, что мы к этому делу не имеем никакого отношения, у нас нет возможности, я писала нач<альнику> Красноярского края, просила его прислать мне справку, за что мы высланы или хотя бы поставить об этом в известность парторга и нач<альника> спецчасти, но не получила ответа, как и вообще ни на одно письмо из посылаемых мною т<оварищу> Вышинскому, т<оварищу> Ежову, в прокуратуру СССР. А здесь нас стали буквально травить, трудно представить себе более бездушное и жестокое отношение к людям. Брату не давали даже никакой черной работы, в декабре он работал 8 дней, и опять с работы сняли. Здоровье у всех нас очень слабое, брату на мед<ицинском> осмотре врач сказал "удивляюсь, как вы до сих пор живы с таким сердцем, как у вас". Жить не работая, конечно, невозможно, не говоря уже о том, как трудно и тяжело вынужденное безделье людям, привыкшим к труду, как тяжело сознание, что хочешь и можешь работать, но некуда применить свои силы. Но, кроме того, и в материальном отношении сказывается эта вынужденная безработица, надо же на что-то жить. Никакие просьбы и жалобы не привели ни к чему.

Мы жили надеждой на то, что всё же кончится срок ссылки, и мы опять будем свободными людьми, опять сможем работать, приносить хоть какую-нибудь пользу государству. Невыносимо

больно сознание, что несмотря на то, что живешь в такое замечательное время, в Советской стране, на 21 году революции, — и чувствуешь себя выброшенной из жизни, на тебя смотрят как на врага, хотя в сущности, мы же не совершили никакого политического проступка, да и не способны на него по своим взглядам. Я надеюсь, Вы поймете меня, Екатерина Павловна, так трудно найти слова, которые смогли бы убедить, дошли бы до сердца, но я надеюсь, что мне поможет Ваша чуткость, так трудно писать в том состоянии, в каком я сейчас нахожусь. Сколько раз я уже совсем решала покончить с собой, и всё же так жаль уходить из этой жизни, ведь вообще-то сейчас жизнь так исключительно интересна, быть может впоследствии будут завидовать людям, жившим в наше время.

На всем том, о чем я писала, наши несчастья не кончились. В феврале 1938 г<ода> здесь начались аресты, причем, были арестованы почти все адм<унистративно> ссыльные. 24 марта был арестован мой брат и увезен в Енисейскую тюрьму. Я не знаю, в чем его обвиняют, в каком контрреволюционном проступке, но знаю, что он не виноват ни в чем. Ему уже пришлось слишком многое пережить, но он никогда не жаловался, всегда поддерживал в нас бодрость духа. Он вполне советский человек, никогда у него не было контрреволюционных взглядов и настроений. Этот арест его совсем убил, я видела, как он пошел по этапу, он казался стариком, хотя ему только что исполнилось 27 лет. Я не знаю, как у всех нас хватило сил пережить еще и это горе.

Екатерина Павловна! Теперь я перехожу к цели. Дело в том, что вот уже почти 3 месяца мы ничего не знаем о брате. Где он находится и жив ли он вообще. Может быть, нельзя об этом писать, но в Енисейской тюрьме (со слова вернувшихся оттуда) очень строгий режим, очень скверное питание. Почему-то не принимаются передачи. Я Вас очень прошу вот о чем. Сообщите мне, жив ли мой брат, Николаев Евгений Александрович, арестованный 24 марта 1938 г<ода> в "Раздольстрое" Красноярского края, и где он в настоящее время находится. Я буду Вам безгранично благодарна. Мать совсем почти сошла с ума, да это и понятно. Я сама чувствую, что становлюсь сумасшедшей. Я многого не понимаю, жизнь становится для меня непонятной и страшной. Почему здесь, в Красноярском крае, безнаказанно искажаются советские законы, травят людей, лишают их законного права на труд, арестовывают по подозрению? Я ничего не понимаю. Таким жестоким получилось наказание за такую маленькую вину, как у нас. Нет сил жить. Простите за такое длинное и бестолковое письмо, Екатерина Павловна, но я так надеюсь, что получу на него ответ, хотя до сих пор не получила ответа ни на одно письмо. Мысль о брате не дает мне покоя ни днем, ни ночью. Я сама очень больна, у меня острое малокровие, часто я целыми днями не могу встать с постели — настолько сильно головокружение. С каждым днем чувствуешь, как уходят последние силы. А что же должна переживать старуха-мать?

Еще раз прошу Вас, дорогая Екатерина Павловна, ответить мне относительно брата, по адресу: Южно-Енисейск Красноярского Края, п<очтовое> о<тделение> "Раздольное", до востребования Николаевой Лидии Александровне.

Л. Николаева

13 июня 1938 г<ода>»⁶.

---

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1669. С. 139-142. Автограф.